

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД И РОССИЙСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА*

М. В. АНТОНОВ,** А. В. ПОЛЯКОВ,*** И. Л. ЧЕСТНОВ****

В настоящей статье, основанной на докладах авторов в рамках Немецко-российского научного симпозиума «Правовая коммуникация в современной правовой системе», состоявшегося 6 декабря 2012 г. на юридическом факультете СПбГУ, рассматриваются вопросы теории правовой коммуникации. По мнению авторов, монистические, однофакторные теории не способны объяснить многообразный мир права — для такого осмысления следует обратиться к широким философским категориям, которые могли бы описывать и социальные (фактические), и нормативные, и идеальные аспекты правовой действительности. Такой категорией в современной теоретической юриспруденции вполне может стать понятие «коммуникация». Идея коммуникации в праве детально разработана в современной немецкой философии права, но она не чужда и российскому правовому дискурсу. Об этом свидетельствует творчество Л. И. Петражицкого и других представителей петербургской школы философии права, которые в своих работах уже в первой половине XX в. сформулировали проблематику правовой коммуникации и попытались исследовать ее в терминах философии того времени. Опора на разработки представителей этой школы, использование их идей в качестве смыслового ориентира при (ре)конструировании коммуникативной философии права в России оказывается необходимой предпосылкой научного дискурса и в рамках «Петербургского диалога» между российскими и немецкими теоретиками права.

* Статья написана на основе докладов, прочитанных 6 декабря 2012 г. на юридическом факультете СПбГУ в рамках ежегодного немецко-российского научного симпозиума (семинара) «Правовая коммуникация в современной правовой системе». Авторы благодарят профессора В. Кравица и других участников семинара за ценные замечания и предложения при обсуждении тезисов, отраженных в настоящей статье.

** Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права юридического факультета Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая школа экономики».

Mikhail Antonov — candidate of legal sciences, associated professor of Law Faculty of National Research University “Higher School of Economics” (Saint Petersburg).

E-mail: mantonov@hse.ru

*** Поляков Андрей Васильевич — доктор юридических наук, профессор СПбГУ.

Andrey Polyakov — doctor of legal sciences, professor of Saint Petersburg State University.

E-mail: polyakov2008@gmail.com

**** Честнов Илья Львович — доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Ilya Chestnov — doctor of legal sciences, professor of Saint Petersburg Juridical Institute (Affiliate) of the Academy of the Office of the Prosecutor General of Russia.

E-mail: ichestnov@gmail.com

© Антонов М. В., Поляков А. В., подготовка введения, раздела 2, заключения, 2013

© Честнов И. Л., подготовка раздела 1, 2013

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативная теория права, петербургская школа философии права, социология права, неклассическая теория права, Л. И. Петражицкий, правовой плюрализм.

ANTONOV M. V., POLYAKOV A. V., CHESTNOV I. L. LEGAL COMMUNICATION AND THE RUSSIAN THEORY OF LAW

The authors of this article consider some issues connected with the theory of legal communication. These considerations are based on the presentations made by the authors at the German-Russian scientific symposium "Legal communication in the contemporary legal system" which took place at Law Faculty of Saint Petersburg State University on December 6, 2012. In the authors' opinion, it is not possible to explain the multifaceted reality of law with the help of monistic and unilateral theories. To arrive at an adequate explanation, one needs to refer to wider philosophical categories capable of describing societal (factual), normative, and ideal aspects of the reality of law. The conception of "communication" might play this role in the contemporary jurisprudence. The idea of communication in law is well developed in the contemporary German legal philosophy, but it is also present in the Russian legal discourse. This thesis can be substantiated with reference to the work of Leon Petrażycki and other representatives of the Saint Petersburg school of legal philosophy. As early as in the first half of the XXth century they formulated the problematic of legal communication and attempted to analyze it in the terms of legal philosophy of their epoch. It is vital to take into consideration the opinions developed by the representatives of this school and to use their ideas as an intellectual itinerary in (re)constructing the philosophy of legal communication in Russia. This approach is also an important premise for the scientific discussions led by Russian and German legal scholars in the scope of the "Petersburg Dialogue".

KEYWORDS: Theory of legal communication, Petersburg school of legal philosophy, sociology of law, non-classical theory of law, Leon Petrażycki, legal pluralism.

Введение. Коммуникативный подход к праву имеет свою предысторию в философии права, что неудивительно, поскольку, как гласит известный философский принцип, *ex nihilo nihil fit* (лат. из ничего ничто не происходит). Строй идей, который выводил основные черты и параметры права из его функции как средства социального общения, был намечен еще в сочинениях Аристотеля, продолжен стоиками, средневековыми схоластами, Гроцием и другими мыслителями Нового времени. Основная идея коммуникации заключается во взгляде на другого человека как на личность, способную к пониманию и взаимодействию. Более того, такое взаимодействие (на институциональном уровне) рассматривается как необходимое условие существования человеческой личности и права. Исходя из этого, коммуникативный подход к праву существенно отличается как от натуралистических и теологических подходов (когда право связывается либо с природой, либо с Богом), так и от подхода этатистского, когда на место природы или Бога заступает государство, устанавливающее «право» росчерком пера законодателя. Подробное описание истории становления данного строя идей можно найти в работе Г. Д. Гурвича «Идея социального права» (1932 г.).¹ Конечно, между представлениями мыслителей прошлого

¹ Gurvitch G. L'idée du droit social. Paris, 1932. — Частичный перевод см.: Гурвич Г. Д. Идея социального права / пер. с фр. М. В. Антонова // Гурвич Г. Д. Философия

и современными представлениями о коммуникативной природе права имеются серьезные разногласия, которые выражаются, как минимум, в различии методологических установок и концептуального аппарата.² Однако наряду с этим можно отметить и известную преемственность, которую можно обнаружить не только между идеями «вчерашними» и «сегодняшними», но и, конечно же, между различными направлениями в рамках коммуникативного подхода. Подтверждением этому явился ряд симпозиумов, проведенных в рамках «Петербургского диалога» авторами настоящей статьи и немецкими правоведами и политиками.³ В этой статье мы ставим вопрос о значении идеи правовой коммуникации для современного теоретического правоведения, а также о концептуальных основаниях этой идеи в российском философско-правовом дискурсе.

1. Коммуникативная концепция права в современной юриспруденции. Коммуникативная концепция права — это новый, постклассический подход, позволяющий дать более полное представление о праве, обо всех правовых институтах, так как вводит правовую догматику в контекст социальной коммуникации. Тем самым получается новая перспектива правовой реальности: все институты права наполняются коммуникативным деятельностным содержанием, процессуальностью, коммуникативной действительностью. Таким образом акцентируется внимание не на статике права, когда догма права отрывается от запросов правовой жизни, но на его действию, социальной валидности, обеспечивающей и моральную, и формально-юридическую (догматическую) валидность. Благодаря коммуникативным процессам возникают взаимообусловленность и взаимодополнительность системы права и социума (других социальных подсистем), а юридические категории наполняются социальным содержанием: право отвечает на запросы общества и, в свою очередь, воздействует на социальные процессы.

В то же время коммуникативная теория права не является единой, парадигмальной концепцией: в ней можно выделить несколько течений, направлений, отличающихся методологически. Если в качестве критерия различения взять отношение к автономности, «закрытости» или замкнутости системы права, то условно можно выделить «закрытый» подход, ориентированный на «правило замыкания» системы права, и подход «открытый», предполагающий постоянную коммуникацию правовых с «неправовыми» — экономическими, политическими и т. п. — аспектами социальной реальности.

Первый подход, ориентированный на «оперативную замкнутость» или автономию права, характерен для сторонников аутопойетической концепции права, в частности, для Н. Лумана и В. Кравица. Так, В. Кравиц пишет, что система права «способна квалифицировать свои внутренние операции как *право/неправо, юридически действительные/юридически недействительные, легальные/нелегальные, правомерные/неправомерные,*

и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 41–192. — См. также: Поляков А. В. Коммуникативная концепция права: история становления и теоретико-правовое обоснование. Дис. ... д. ю. н. в виде научного доклада. СПб., 2002.

² Поляков А. В. 1) Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2003; 2) Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45; 3) Современная теория права. Ответ критикам // Правоведение. 2011. № 6. С. 6–39.

³ См., напр.: Антонов М. В., Поляков А. В. Правовая коммуникация и современное государство // Правоведение. 2011. № 6. С. 214–220.

правильные/неправильные, справедливые/несправедливые и т. п. ... В этом внутреннем мире правильным, дозволенным или запрещенным оказывается только то, что является юридически правильным, юридически дозволенным, юридически запрещенным и т. п. Таким образом, создается порядок юридического значения, и мы получаем возможность идентифицировать в правовом ракурсе различные формы нормативных верований и ожиданий, институциональных образцов поведения и социальных структур... Квалифицирующий различные операции как право/неправо, юридически действительные/ юридически недействительные, легальные/ нелегальные, правомерные/неправомерные, правильные/неправильные, бинарный код исключает другие виды дискурса. В этом плане цель бинарного кода состоит в производстве (которое всегда предполагает воспроизводство) юридических решений в рамках самореферентной правовой системы директив и норм, которая путем постоянного взаимоувязывания коммуникаций порождает все новые и новые директивы и нормы (курсив Кравица. — Авт.)».⁴

Несомненно, что правовая система действует на основе бинарного кода юридической квалификации. Однако такой подход не проясняет, кто, как и почему задает код, позволяющий квалифицировать право/неправо. Этот вопрос большинство юристов относят к политике права, а не к предмету юриспруденции, что явно обедняет теорию (или философию) права. Если система права постоянно изменяется, более того, характеризуется «инфляцией законодательства» (термин Н. Рулана),⁵ то изучать этот процесс юристы, конечно, обязаны. Система права изменяется также под воздействием актов толкования, производимых судами, особенно при решении «сложных дел». Для их разрешения требуется выход в «мета-юридическую» область (например, апелляция к принципам морали, эффективность и т. п.), коммуникацию правовой системы с «неправовыми» подсистемами социума или социумом как целым. Это еще раз убеждает в том, что даже оперативная закрытость системы права — не более чем методологический прием для анализа права. Об этом пишет М. ван Хук: «Правовые системы, в отличие, например, от математических систем, не являются независимыми от общества, которому они принадлежат и которое организуют. Каждая правовая система представляет собой часть более общей социальной системы. Правовая система — это способ организации общественного, экономического, морального и других типов поведения. Следовательно, правовые системы должны соответствовать обществу... В то же время встроенные в общество и строго детерминированные им современные правовые системы оказываются относительно автономными... В самом слабом смысле “автономия” означает только то, что правовая норма или система могут быть идентифицированы как нечто отличное от морали, религии или другой системы правил, и что это не просто повторение свода внеправовых правил... Параллельно существует методологическая автономия, включающая следующие три аспекта а) автономию языка: технический язык права развивается, создавая собственные понятия и наделяя специфическими значениями привычные слова; б) автономию стиля:

⁴ Кравиц В. Пересмотр понятия права // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 444.

⁵ «1995 г. был рядовым годом в этом отношении: на свет появились 1350 законов и 1407 декретов, которые влились в законодательный и нормативный поток предыдущих лет, поскольку в силе остается все то, что не было отменено» (Рулан Н. Историческое введение в право. Учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 194).

уставы, судебные решения, договоры и т. п. составляются в определенном стиле; с) автономия аргументации: способы аргументации и мышления, используемые в праве, отличаются от принятых в других формах дискурса (например, в экономическом, политическом или религиозном дискурсе)».⁶

Таким образом, можно согласиться с выводом К. Альчуррона и Е. Булыгина: «Так называемый постулат герметической (или необходимой) полноты права — а он представляет собой юридическую версию того же самого логического постулата — необоснован в утверждении о том, что любая правовая система является полной. Важно подчеркнуть различие между постулатом полноты, согласно которому все правовые системы фактически являются полными, и требованием того, что этим системам следует быть полными. Первый постулат в лучшем случае оказывается всего лишь иллюзией, которая, тем не менее, играет решающую идеологическую роль в правовом мышлении, тогда как второе утверждение — чисто рациональный идеал, независимый от какой-либо политической направленности».⁷

Если право — это социальное явление, то оно обладает лишь относительной автономностью, так как «код юридической квалификации» обусловлен социальными, экстраюридическими факторами: политикой, экономикой и т. п. Более того, в эмпирической реальности, с нашей точки зрения, нет «чистых» правовых явлений: в любом фактическом взаимодействии всегда можно вычленить несколько аспектов, «пластов» социальности: психику, культуру, возможно — право, политику и т. д. В вынесении конкретного решения судьей — а это и есть право в действии — «участвуют» (т. е. влияют на это решение и обуславливают его) такие факторы, как политическая ангажированность судьи (по крайней мере, в высших судебных инстанциях), экономическая ситуация в стране, господствующие представления в данном обществе о справедливости, воспитание судьи и т. д. Все это не должно оставаться за пределами изучения юриспруденции, если она не хочет оставаться отвлеченной от социальных нужд догматикой, а по сути — служанкой властей предрержащих.⁸

Другое различие, вытекающее из первого, относится к определению субъекта права или к «субъектной, психической стороне» правовой реальности. В. Кравиц в выступлении на международном симпозиуме «Нормативные системы» в Санкт-Петербурге 9–10 сентября 2011 г. критиковал

⁶ Ван Хук М. Право как коммуникация // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 409, 412–413. — См. также: Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 57–82.

⁷ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // *Российский ежегодник теории права*. № 3. 2010. С. 314. — Э. Лаклау пишет, что «операция замыкания», устанавливающая границу между правильным и неправильным, невозможна и в то же время необходима: необходима как таковая, однако ее конкретное местоположение не может быть определено *a priori* — она является предметом ожесточенной политической борьбы, продуктом исторически сложившейся гегемонической артикуляции и потому никогда не бывает полностью детерминированной (*Laclau E. The Death and Resurrection of the Theory of Ideology // Journal of Political Ideology*. Vol. 1. 1996. N 3. P. 205).

⁸ Справедливым представляется утверждение Н. Лумана, согласно которому «различие правомерного и неправомерного вводится не произвольно... Право должно выполнять функцию иммунной системы и предназначено этому. Поэтому система права автономна в использовании своей схемы правого/неправого. Однако с помощью данной схемы она должна, насколько это возможно, защищать аутопойесис коммуникативной системы общества от множества помех, которые эта система производит сама по себе» (Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 492).

«волютаристскую» теорию норм Г. фон Вригта.⁹ Действительно, существует сложная проблема: можно ли сводить коллективный субъект права к отдельным индивидам и их действиям? Отрицательно отвечая на этот вопрос, В. Кравиц полагает, что нормативная коммуникация представляет собой процесс трехступенчатой селекции, в котором (1) информация, (2) сообщение и (3) понимание соединяются в эмерджентной единице права. Тем самым индивид выносится «за рамки коммуникации» и относится к ее среде. Получается, что коммуникация функционирует «сама по себе», без всякого участия человека. Н. Луман использовал этот прием (или образ) исключительно в аналитических целях: человек выносится за рамки коммуникации с тем, чтобы удобнее было ее представить.¹⁰ Фактически же коммуникация без людей и смыслов, которые вносятся в обмен информации и ее понимание, невозможна. Поэтому прав М. ван Хук, утверждающий, что правовые системы не могут существовать без человеческого фактора и без «поддержки» внешнего мира.¹¹ Содержание права во многом детерминировано «внеправовыми фактами, ценностями и нормами... Сущность содержания права привносится из внешних по отношению к правовой системе источников».¹²

Права «как такового», по справедливому утверждению А. В. Полякова, не существует. Это означает, что у этого слова нет определенного эмпирически узнаваемого референта. Право принадлежит к миру значений и смыслов, неотделимых от внутреннего мира человека и его отношений с другими людьми, и конструируется сознанием на основе институционализированных социальных практик.¹³

С точки зрения антропологической коммуникативной парадигмы право есть феномен человеческих коммуникаций, т. е. тех взаимодействий между людьми, которые получают специфический текстуальный смысл, позволяющий отличать право от других социальных явлений. Человеческая коммуникация — феномен, объединяющий субъективное и объективное, материальное и идеальное, сущее и должное, формальное и ценностное, свободное и принудительное в праве. Отсюда напрашивается важный вывод: коммуникативная теория права позволяет посмотреть на право под более широким углом зрения, который позволит увидеть онтологическую взаимосвязь этих разных его сторон (аспектов, сущностных черт) и на этой основе обосновать возможность универсального (интегрального) правопонимания.¹⁴

Невозможно пребывание права во внешней человеку среде, вне связи с его коммуникативными возможностями, полагает А. В. Поляков:

⁹ Кравиц В. Современное право и правовая система в перспективе коммуникативной теории / пер. с нем. С. В. Королева // *Российский ежегодник теории права*. № 4. 2011. С. 168–179.

¹⁰ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 71. — В другой работе он пишет: «Система и окружающий мир постоянно воздействуют во всех явлениях — в социальных системах уже лишь потому, что без сознания, которым обладают психические системы, едва ли возможна коммуникация» (Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. С. 46).

¹¹ Ван Хук М. Право как коммуникация. С. 60.

¹² Там же. С. 63.

¹³ По мнению А. В. Полякова, современная теория права не может ответить на вопрос «Что есть право?» без ответа на вопрос «Что есть человек?» (Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // *Правоведение*. 2011. № 5. С. 27, 30–31).

¹⁴ Поляков А. В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // *Неклассическая философия права: вопросы и ответы*. Харьков, 2013. С. 95.

«Право есть то, что *соприродно* человеку (обладает единой с человеком природой) и *может быть им воспринято как право*... Право основано на *единстве внутреннего понимания* того, что необходимо делать, и *внешне объективированного действия*... (курсив А. В. Полякова. — Авт.). Любое взаимодействие предполагает одинаковое понимание того, что следует делать, и ожидание того, что другой субъект взаимодействия будет такие действия осуществлять».¹⁵

Смысл правовой коммуникации, по убеждению А. В. Полякова, заключается во взаимодействии субъектов права, с одной стороны, и субъектов коррелятивной обязанности — с другой. Реализация прав и обязанностей, обуславливающих саму возможность существования права, и составляет его смысл. Нарушение прав и неисполнение обязанностей указывает на разрыв правовой коммуникации, что требует ее восстановления. «Что же отличает правовую коммуникацию от других ее разновидностей? Право, как практическая система действия, основано на взаимопонимании, без которого само его существование невозможно. Ведь права нет там, где отсутствует взаимосотнесенное поведение. Поэтому нет права без информации, структурированной источником права и адресуемой субъектам правовой коммуникации. Но условием правовой коммуникации является не столько содержание информации и даже не столько ее прескриптивная форма, сколько убеждающая сила, без которой невозможно сама правовая коммуникация как практическое взаимодействие».¹⁶

Почему необходимо принимать во внимание человека, т. е. антропологизировать коммуникативную теорию права? Потому, что вне и без человека коммуникация не существует. Норма права закрепляет безличностный юридический статус человека. Но почему именно такой статус закрепляется в норме права, почему именно такой объем прав и обязанностей в ней формулируется? Потому, что именно такой статус эффективно реализуется в юридически значимом поведении человека. Поэтому «человеческий фактор» необходимо принимать во внимание при нормообразовании. Еще более он важен на стадии реализации права. От потребностей, интересов и возможностей человека, от его действий и представлений о праве зависит легитимность правовой системы, ее социальная валидность, т. е. фактическая действительность. Кого или что можно считать реальным законодателем? Орган законодательной власти, субъекта законодательной инициативы или население страны, в интересах которого, в конечном счете, должны приниматься законы в демократическом правовом государстве? Почему одни и те же правовые институты по-разному «работают» в разных странах? Для ответа на этот и подобного рода вопросы необходим социолого-антропологический анализ психических, культурных и социальных факторов во взаимосвязи с институциональными ограничениями. В связи с этим достаточно перспективной видится «прививка» к коммуникативной теории социологических исследований, использование антропологических методов, прежде всего включенное наблюдение.

Таким образом, правовая коммуникация — это, во-первых, правообразование как коммуникация социума и правовой системы, при которой последняя реагирует на общественные потребности и ожидания, складывающиеся из потребностей и ожиданий конкретных людей, во-вторых,

¹⁵ Там же. С. 95–97.

¹⁶ Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 17.

реализация права, т. е. коммуникативный процесс согласования поведения человека (широких слоев социума) с информацией, сформулированной в нормах права. Во всех этих интерактивных процессах задействован субъективный — человеческий — фактор.

2. Идея правовой коммуникации и петербургская школа философии права. Вопрос об осмыслении права через категорию коммуникации (общения) неоднократно поднимался в истории философии права. Особую роль в формировании российских коммуникативных представлений о праве сыграли идеи петербургской школы философии права (школы, сформировавшейся из русских учеников Л. И. Петражицкого в первые декады XX в.).¹⁷ Разумеется, если здесь мы указываем только на значение школы Петражицкого для формирования коммуникативного подхода к праву в России, это не означает отрицания или преуменьшения значения других концепций, которые также могут рассматриваться в качестве предшественников данного подхода.

Основатель петербургской школы философии права Л. И. Петражицкий оставил перед собой задачу создания системы знаний о праве на строго научной основе, понимая под научностью верифицируемость теоретических постулатов о праве через опытные данные. В этом Петражицкий и его последователи вполне органично следовали общей тенденции развития социальных наук в начале XX в. По традиции, идущей от О. Конта, эмпирическое начало тогда противопоставлялось началу умозрительному, фактическое — идеальному; эти деления укладывались в общую канву разделения между наукой и метафизикой. В правоведении данный подход впервые последовательно был изложен И. Бентамом и Дж. Остином, для которых правом могло считаться только то, что допускало эмпирическую верификацию на предмет обеспеченности принуждением; то, что этот тест не выдерживало, относилось к внеправовой сфере (позитивной морали и пр.). На формирование данного подхода также оказало влияние сформулированное Кантом разделение должного и сущего, практического и теоретического знания. Такое деление было закреплено его последователями (неокантианцами) в отделении наук о должном (идеографических наук) от наук о сущем (номотетических наук) и абсолютизировано в чистом учении о праве Г. Кельзена, которое противопоставлялось наукам о юридических фактах (социологии права, юридической философии и пр.).¹⁸

На рубеже XIX–XX вв. подобная картина правовой действительности стала вызывать некоторые сомнения, противопоставление идеального и эмпирического начал в праве постепенно перестало абсолютизироваться; в Германии, России и ряде других европейских стран появились концепции, которые получили название «возрожденного естественного права». В рамках нового подхода Р. Штаммлер, П. И. Новгородцев и другие мыслители той поры попытались найти точку соприкосновения между идеальным и фактическим в праве, совместить эти кажущиеся противоположными перспективы правопонимания.¹⁹ Научное знание о праве тогда стояло перед задачей построения новой, постклассической научной парадигмы,

¹⁷ Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 4–23.

¹⁸ Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова // *Российский ежегодник теории права*. 2011. № 4. С. 418–498; *Иештедт М.* Введение в чистое учение о праве Ганса Кельзена / пер. с нем. М. В. Антонова // Там же. С. 531–553.

¹⁹ Поляков А. В. Возрожденное естественное право в России. Критический анализ основных концепций. Автореф. дис. ... к. ю. н. Л., 1987.

связанной с «взаимодополняемостью перспектив» (если воспользоваться более поздним термином Г. Д. Гурвича), где разные и кажущиеся несовместимыми между собой начала (нормативное и фактическое, идеальное и принудительное) могли бы совместно предстать в качестве признаков права, не противопоставляя себя друг другу вследствие редукции комплексности права лишь к одному из его аспектов.

Германская правовая наука в XIX в. сделала серьезный вклад в этот комплекс идей в виде работ основоположников исторической школы права, особенно К. Ф. Савиньи,²⁰ и представителей юриспруденции интересов, среди которых нужно выделить Р. Иеринга (его значение для формирования коммуникативного правопонимания превосходно охарактеризовал А. Громицарис).²¹

Нельзя не отметить и общего мировоззренческого фона развития данного строя представлений о праве, который был сформирован философскими школами Германии и России того времени. В первую очередь, здесь необходимо назвать таких мыслителей, как Шеллинг и Фихте, чьи работы сегодня известны хуже, чем работы их соотечественников (Гегеля, Канта или Шопенгауэра), но которым, тем не менее, принадлежит заслуга постановки и философского осмысления вопроса о неразрывном единстве кажущихся несовместимыми аспектов бытия, мышления, духовности. Этот мотив под непосредственным влиянием Шеллинга был развит русскими поборниками культурной самобытности — славянофилами, которые ввели базовые для русского философского дискурса понятия всеединства и соборности, отражавшие вышеописанные мировоззренческие установки на формирование целостного знания об обществе и человеке. Детальную философскую проработку эти понятия и установки получили в творчестве В. С. Соловьева, развивавшего то же самое направление, которое в Германии было представлено Ф. В. Шеллингом.²² Интересным

²⁰ Как убедительно показывает французский исследователь О. Жуанжан, основной задачей Савиньи было не построение очередного метафизического учения о развитии права из предустановленного начала («народного духа»), а разработка новой научной методологии правоведения, где право изучалось бы одновременно методами лингвистики и истории и где исследование идеального и реального измерений права было бы возможно на основании единого научного подхода (Жуанжан О. «Филологический поворот» в науке права: история и метафизика в работах Савиньи / пер. с англ. М. В. Антонова, Е. Г. Самохиной // Правоведение. 2011. № 4. С. 221–235). Этот аспект особенно показателен в связи с распространенной среди американских правоведов тенденцией связывать коммуникативный подход к праву с изучением влияния языковых практик на создание и применение права: Galindo F. The Communicative Concept of Law // Journal of Legal Pluralism. 1998. N 41. P. 111–129; Greenberg M. Legislation as Communication? Legal Interpretation and the Study of Linguistic Communication // Philosophical Foundations of Language in the Law / eds. A. Marmor, S. Soames. Oxford, 2011. — См. также многочисленные работы Андрея Мармора, например: Marmor A. The Pragmatics of Legal Language // Ratio Juris. 2008. N 21. P. 423–452. — Критический анализ подобного подхода см.: Кравиц В. Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права / пер. с нем. М. В. Байтеевой // Правоведение. 2012. № 1. С. 18–32.

²¹ Gromitsaris A. Theorie der Rechtsnormen bei Rudolph von Ihering: Eine Untersuchung der Grundlagen des deutschen Rechtsrealismus. Berlin, 1999.

²² Вопрос о возможных заимствованиях в этом диалоге культур представляет неоднозначным. Некоторые мыслители придерживаются мнения о компилятивном характере творчества Соловьева (Яковенко Б. В. Очерки русской философии. СПб., 2000), но большинство указывают на самобытность развития мысли этого русского мыслителя, который хотя и не стоял в стороне от развития европейской философии,

является противостояние двух вариантов понимания права: синтетического — сформулированного В. С. Соловьевым, и нормативно-идеалистического — представленного Б. Н. Чичериным. В этом противостоянии была четко сформулирована исследовательская задача понимания права как начала, производного от социального общения и поэтому совмещающего в себе кажущиеся аналитически несоединимыми элементы, которые тем не менее нераздельно присутствуют в правовой коммуникации. Заслуга формулировки этой задачи принадлежит В. С. Соловьеву,²³ но ее решение осуществлялось по-разному правоведами московской и петербургской школ права.²⁴

Московская школа философии права, к которой принадлежат такие видные ученики В. С. Соловьева, как П. И. Новгородцев, Н. Н. Алексеев, А. С. Яценко, С. Л. Франк, И. А. Ильин и др., попыталась развить эту идею всеединства (цельности бытия права и знания о праве, идеального и реального начал в праве), но их внимание было изначально сконцентрировано преимущественно на идеальном аспекте права.²⁵ Эта тенденция лишь усилилась после революционных событий 1917 г., в результате чего П. И. Новгородцев и ряд других мыслителей окончательно предпочли изучение идеального, вечного модуса бытия права исследованию реальных правовых явлений с позиций социологии и социальной психологии.²⁶ Несомненно, революционные события 1917 г. не прошли бесследно и для формирования научных воззрений правоведов петербургской школы, но там результатом стало, скорее, повышенное внимание к формам непосредственного, спонтанного правового общения и к связанным с этим общением первичным социальным фактам.²⁷

но формулировал основные положения своей доктрины самостоятельно, предлагая оригинальное обоснование этим положениям. См. подробнее: *Прибыткова Е. А.* Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьева. М., 2011.

²³ *Гурвич Г. Д.* Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев / пер. с нем. М. В. Антонова, А. В. Полякова // Правоведение. 2005. № 4. С. 138–164. — Интересно, что характерную для религиозной философии В. С. Соловьева идею всеединства Гурвич находит у немецкого философа И. Г. Фихте.

²⁴ Применительно к делению этих двух школ, которое никак не следует абсолютизировать, мы исходим не из критерия города проживания того или иного мыслителя, а из близости его философско-правовых построений тем основам, которые были соответственно сформулированы Л. И. Петражицким и П. И. Новгородцевым, а также учеными из их окружения. Данное деление также не стоит рассматривать как предполагающее гомогенность теоретических построений мыслителей, принадлежавших к той или иной из названных школ.

²⁵ *Поляков А. В.* Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее // Наш трудный путь к праву. Мат-лы философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / сост. В. Г. Графский. М., 2006. С. 86–121. — Ср. некоторые критические замечания об этой программе со стороны Петражицкого: *Петражицкий Л. И.* К вопросу о «возрождении естественного права» и нашей программе: По поводу диссертации П. И. Новгородцева: «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». 1901 // Право. 1902. № 41. С. 1841–1854.

²⁶ *Лосский Н. О.* Вл. Соловьев и его преемники в русской религиозной философии // Путь. 1926. № 2. С. 19–28.

²⁷ Ср.: *Simirenko A.* Social Origin, Revolution and Sociology: The Work of Timasheff, Sorokin and Gurvitch // The British Journal of Sociology. 1973. Vol. 24. N 1. P. 84–92; *Antonov M., Berthold E.* Sources russes de la pensée de Georges Gurvitch: écrits de jeunesse dans les annales contemporaines (1924–1931) // Cahiers internationaux de sociologie. 2006. N 121. P. 197–226; *Антонов М. В.* Об интеллектуальных истоках правовой концепции Г. Д. Гурвича // *Российский ежегодник теории права.* № 3. 2010. С. 667–689.

Стоит отметить, что изначально Л. И. Петражицкий сделал акцент именно на эмпирической составляющей права — несколько в ущерб идеальному и социальному аспектам правовых явлений, за пренебрежение которыми он подвергся обоснованной критике своих современников.²⁸ В духе научных убеждений своего времени Петражицкий поставил перед правоведением задачу верификации ее исходных постулатов, в том числе и базового определения права, на основе стандартов позитивно-научного знания.²⁹

Обычно теорию Петражицкого классифицируют как психологическую, что, несомненно, имеет под собой веские основания, особенно применительно к его наиболее известным, классическим работам начала XX в.³⁰ Действительно, этот мыслитель прежде всего обосновал концепцию права как императивно-атрибутивного переживания, как механизма бессознательного приспособления людей к эволюционно отбираемым, наиболее социально адекватным образцам поведения. Объяснение Петражицким этого свойства права в некоторой степени напоминает описание эмерджентности права, о которой размышляют В. Кравиц, Г. Тойбнер и другие представители современной коммуникативной философии права.³¹ Эта коммуникативная направленность учения Петражицкого просматривается в его представлениях о механизме социального отбора поведенческих правил, о корреляции прав и обязанностей и в прочих идеях, которые намекают на возможность понимания права именно как эмерджентного, самореферентного явления. Разумеется, нельзя не признать, что идеи Л. И. Петражицкого, Н. С. Тимашева и других представителей этой научной школы зиждутся на иных концептуальных основаниях, чем более поздние идеи Н. Лумана.³²

С этой точки зрения становится понятно, почему отдельные идеи Петражицкого, в частности понимание права как явления, редуцируемого к двусторонней индивидуальной психологической связи, вызвали столь резкое отторжение со стороны его учеников (Г. Д. Гурвича, Н. С. Тимашева и П. А. Сорокина). Такие редукционизм и методологический индивидуализм, как представляется, были несовместимы с базовыми установками идеал-реалистической философии права, призванной объяснить

²⁸ См. об этом: *Зорькин В. Д.* Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 192–234; *Пяткина С. А.* Л. И. Петражицкий и его эмоционалистская школа в системе правовых идей отечественной юриспруденции. М., 2000; *Trevino J.* Towards a General Theoretical-Methodological Framework for the Sociology of Law: Another Look at the Eastern-European Pioneers // *Sociology of Crime, Law, and Deviance* / ed. J. Ulmer. Greenwich, 1998. P. 155–202.

²⁹ О научном методе Петражицкого см.: *Тимошина Е. В.* 1) Логические принципы организации теоретико-правового знания и классификации наук в философии права Л. И. Петражицкого // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 805–824; 2) Теория и политика права профессора Л. И. Петражицкого // *Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды*. СПб., 2011. С. XIV–XXXVI.

³⁰ *Петражицкий Л. И.* 1) Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология (1905). М., 2011; 2) Теория права и государства в связи с теорией нравственности (1907). СПб., 2000.

³¹ *Krawietz W.* Recht als Regelsystem. Wiesbaden, 1984; *Teubner G.* *Recht als autopoietisches System*. Frankfurt/M., 1989; *Schelsky H.* Die Soziologen und das Recht. Opladen, 1980; *Habermas J.* Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt/M., 1998.

³² *Riechers G.* Die Normen- und Sozialtheorie des Rechts bei und nach Georges Gurwitsch. Berlin, 2003.

комплексную правовую реальность через механизмы порождения правового общения непосредственно в самих социальных практиках (по определению предполагающих выход за пределы индивидуальной психологии, которой были ограничены исследования Л. И. Петражицкого в классический период его творчества). Так, Н. С. Тимашев, говоря о преемственности идей Петражицкого и его учеников, называет три принципиальных пункта: 1) признание императивно-атрибутивного характера правовых норм; 2) использование теории нормативных фактов; 3) идея независимости права от возможности внешнего принуждения.³³ В то же время Тимашев небезосновательно подчеркивал недостаточность методологического индивидуализма Петражицкого, который вступал в конфликт с базовыми постулатами его собственной теории.³⁴

Интересно, что идеи школы Петражицкого, направленные на изучение социально-психологических механизмов правогенеза, имеют разительное сходство с теорией полуавтономных социальных полей, сформулированной Сэлли Фолк Мур уже в 1970-е гг. и описывающей такие социальные образования, которые способны вырабатывать сверхиндивидуальные механизмы нормативной регуляции поведения своих членов и институционально принуждать их к поведению, сообразному с нормами такой регуляции.³⁵ Идея коллективного непосредственного юридического опыта, предложенная Г. Д. Гурвичем,³⁶ или представления Н. С. Тимашева об этико-властном регулировании, одновременно осуществляющемся через групповое убеждение и деятельность центральной власти,³⁷ да и сама идея интуитивного права, сформулированная Л. И. Петражицким,³⁸ во многом созвучны построениям С. Ф. Мур и других современных теоретиков правового плюрализма. Особо можно отметить идеи профессора Кравица о нормативных структурных связках в правовой коммуникации, описание действия которых у В. Кравица весьма схоже с описанием процесса формирования и функционирования нормативных фактов в концепции Г. Д. Гурвича.³⁹

Изложенные Л. И. Петражицким (и развитые его учениками) идеи о разных формах социальной адаптации, о различии между правовыми формами общения в зависимости от степени интуитивного единства или подчиненности официальным правилам (интуитивное и официальное право) давали возможность развивать психологическую концепцию права в направлении уяснения условий и пределов воздействия социальной среды на формирование эмоций и представлений людей, значимости

³³ Тимашев Н. С. Рост и сфера социологии права // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 487. — См. аналогичную точку зрения другого воспитанника школы Петражицкого — Максима Лазерсона: Лазерсон М. Я. 1) Петражицкий как творец науки права // Сегодня (Рига). 1931. № 139; 2) Die Russische Rechtsphilosophie // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. 1932/1933. Bd. 26. S. 317–318.

³⁴ Тимашев Н. С. Рост и сфера социологии права. С. 487–488. — Ср.: Поляков А. В. Прощание с классикой... С. 26–30.

³⁵ Moore S. F. Law as Process. London, 1976.

³⁶ Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права.

³⁷ Timasheff N. S. Introduction to Sociology of Law. Harvard, 1939.

³⁸ Defflem M. Sociology of Law: Visions of a Scholarly Tradition. Oxford, 2008. P. 81 ff.

³⁹ Кравиц В. Современное право и правовая система в перспективе коммуникативной теории. С. 168–179. — О понимании нормативности в ракурсе коммуникативного подхода к праву см. также: Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.

текстуальных источников права в формировании правовых переживаний, роли справедливости и иных социальных ценностей в формировании и стабилизации общения.⁴⁰ Тем самым оказывалось возможным коммуникативное понимание права как результата и в то же время катализатора и медиума межличностного и межгруппового общения. В этом аспекте также можно найти очевидные параллели с концепциями современных представителей коммуникативной теории права и правового реализма, особенно с идеями В. Кравица.⁴¹

Развивая идеи такого понимания права, Г. Д. Гурвич сформулировал философскую концепцию «диалектического гиперэмпиризма», в рамках которого он попытался совместить изучение данных непосредственного опыта с феноменологической редукцией, позволяющей раскрыть уровни данного опыта и связанные с этими уровнями формы социальности.⁴² Эти первичные уровни и формы в различных комбинациях дают начало различным нормативным фактам, через которые непосредственно формируется правовое общение.⁴³ Это общение не есть просто результат взаимодействия индивидуальных воли и сознаний, опосредованного текстами и действиями, — оно возникает за счет интенционального единства актов сознания и психологических состояний, которое обуславливает саму возможность взаимодействия. Такое понимание общения дало Гурвичу возможность подойти к пониманию правовой коммуникации как первичной данности юридического опыта. Своеобразно обыгрывая некоторые идеи русской религиозной философии о соборности и всеединстве в контексте феноменологической философии, Гурвич говорил о сопряженности духовных и интеллектуальных переживаний людей. Направленность таких переживаний на определенные объекты координирует эти переживания и позволяет прийти к «коллективным интуициям», к «коллективному юридическому опыту», который служит очагом для распознавания правовых ценностей. Такой опыт «бессознательно-интуитивной организованности»⁴⁴ служит источником для формирования нормативных фактов. Ситуации революций, кардинальных потрясений социального строя, духовного подъема народа и подобные им ситуации служат примером спонтанного формирования новых форм правового общения, его плюралистической структуриации вокруг новых нормативных фактов, где деятельность по передаче смыслов и значений оказывается вторичной по отношению к «актам коллективного распознавания правовых ценностей».

⁴⁰ *Fittipaldi E.* Everyday Legal Ontology. A Linguistic and Psychological Investigation within the Framework of Leon Petrażycki's Theory of Law. Milano, 2012.

⁴¹ *Кравиц В.* Пересмотр понятия права: директивы и нормы с точки зрения нового правового реализма / пер. с англ. М. В. Антонова, А. В. Полякова // *Российский ежегодник теории права.* № 1. 2008. С. 433–445; *Fittipaldi E.* Psicologia giuridica e realismo: Leon Petrażycki. Milano, 2012.

⁴² *Гурвич Г. Д.* Диалектический гиперэмпиризм и его применение в социологии / пер. с франц. М. В. Антонова // Антонов М. В. Право и общество в концепции Г. Д. Гурвича. М., 2013. С. 344–361.

⁴³ О социальной структуре правовой действительности по Гурвичу см.: *Антонов М. В.* Право и общество в концепции Г. Д. Гурвича. С. 5–211. Ср. с концептуально схожей двухуровневой конструкцией правовой системы: *Krawietz W.* Moderne Rechtstheorie als Theorie primärer und sekundärer sozialer Systeme // *Neuer Mensch und kollektive Identität in der Kommunikationsgesellschaft* / Hrsg. G. Preyer. Wiesbaden, 2009. S. 249–271.

⁴⁴ *Вышеславцев Б. П.* Рецензия: Georges Gurvitch, L'idée du droit social // *Путь.* 1934. № 43. С. 81.

Несколько иную позицию занял другой представитель школы Петражицкого Н. С. Тимашев, который рассматривал право как регулятивный механизм, возникающий там, где централизованная власть ограничивает себя этическими принципами, включая принципы равенства и справедливости. Право он считает способом «этико-императивной координации», где проявляется совместное действие внешних и внутренних стимулов — властного принуждения и морального убеждения. Правовое регулирование отличается от всех иных регулятивных механизмов наличием властного элемента, играющего роль «внешнего раздражителя». При этом Тимашев не сводит проявления этого властного начала только к организованному принуждению и склоняется к плюралистическому видению социальной жизни. Вслед за Петражицким ученый полагает, что в обществе может существовать множество центров концентрации социальных сил, которые оказывают влияние на индивидуальные стратегии. В то же время само по себе властное принуждение не способно создать право без содействия этико-нормативных элементов, которые выражаются в наличии группового убеждения в правильности, должном характере установленного варианта поведения.⁴⁵ Но в отличие от Гурвича Тимашев полагает правовую коммуникацию возможной только там, где общение опосредуется письменными правовыми текстами и поддерживается централизованными властными институтами.

Несмотря на выявленные расхождения между позициями Гурвича и Тимашева, такая исследовательская установка давала потенциальную возможность исследовать бытие человека как социального, общающегося, коммуницирующего лица.⁴⁶ Исследование этого аспекта было лишь намечено Л. И. Петражицким в русский период его творчества (до 1918 г.) и лишь отчасти развито им в польский период (1918–1931 гг.), когда фокус его исследований переместился с вопросов психологии на изучение социальных явлений.⁴⁷ Выявление взаимосвязи психики и форм социального общения в контексте понимания права как одновременно социального и психологического явления, связанного с ценностным измерением человеческого бытия (идея любви как регулятивного идеала и принципа общения, высказанная и развитая Петражицким и позднее Сорокиным; идея справедливости как квалифицирующего признака правовых форм общения в концепциях Тимашева и Гурвича), дало научному знанию о праве в XX в. ряд важных методологических импульсов, которые отчасти (наряду с другими факторами, идеями, концепциями) способствовали формированию современных коммуникативных концепций права, в том числе в России. Можно утверждать, что Петражицкий наметил путь, который призван соединить в теоретической юриспруденции институциональный, системный подход к праву с его субъектной составляющей. Данная интеграция обнаруживается через выявление зависимости существования права от

⁴⁵ *Timasheff N. S. Introduction to Sociology of Law.* — Ср. сокращенное изложение Тимашевым основных постулатов своей концепции в сопоставлении с идеями других представителей социологической юриспруденции: *Тимашев Н. С. Что такое социология права? / пер. с англ. Н. В. Романовского, А. С. Матковой // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 107–112.*

⁴⁶ *Поляков А. В. Прощание с классикой... С. 9–42.*

⁴⁷ См. об этом сборник статей под ред. Яна Горецкого (*Sociology and Jurisprudence of Leon Petrazyski / ed. J. Gorecki. Urbana, 1975*) и информативную статью Адама Подгорецкого (*Podgorecki A. Unrecognized Father of Sociology of Law: Leon Petrazyski // Law and Society Review. 1980–1981. N 1. Vol. 15. P. 184–202*).

существования его субъектов. Такие субъекты возможны лишь как носители коммуникативного сознания, объективирующие его проявления в виде коррелятивных прав и обязанностей, причем эти права и обязанности, вытекающие из коммуникативной природы человеческой личности, имеют институциональный статус легитимации, но индивидуальную (личностную) форму существования.⁴⁸

Нельзя не отметить, что Петражицкий и особенно его ученики (Г. Д. Гурвич и П. А. Сорокин) со временем пришли (можно сказать, вернулись) к базовым философским постулатам русской идеал-реалистической философии права, сформулированным В. С. Соловьевым.⁴⁹ При этом не случайно, что Гурвич подчеркивал внутреннюю близость этих принципов философским воззрениям немецких философов и правоведов, прежде всего Фихте, Краузе, фон Гирке. Отметим, что схожие задачи ставились и представителями московской школы философии права, в частности Б. А. Кистяковским и А. С. Яценко, хотя интегративный (синтетический) характер предлагаемой ими методологии предполагал ориентацию прежде всего на трансцендентальные ценности, которые, в конечном счете, определяли формы социального и правового общения. Если же говорить о Петражицком, Гурвиче и Тимашеве, то можно утверждать, что главной задачей их плюралистической методологии был как раз поиск точки равновесия, на основе которой можно было бы описывать и объяснять правовые явления без ущерба той или иной из сторон правовой действительности, удачно обозначенной Гурвичем как идеал-реалистическая.⁵⁰

В связи с этим можно высказать гипотезу о том, что в современной российской философии права выделение московской и петербургской школ в некоторой степени сохраняет актуальность и эвристическую ценность. Та задача, которую ставил перед собой В. С. Нерсисянц (московская школа) и разработку которой продолжает плеяда его учеников (среди которых В. Г. Графский, В. А. Четвернин, В. В. Лапаева, Н. В. Варламова), — поиск целостного понимания права, охватывающего все его существенные аспекты — реализуется этой школой с очевидным креном в сторону тех ценностей, которые ими выделяются как основополагающие для права (правового общения): свобода, равенство, справедливость. Другие аспекты права (властная установленность, обязательность, социальный характер и прочее) не отрицаются упомянутыми сторонниками либертарного правопонимания, но оказываются скорее на периферии их внимания, сконцентрированного прежде всего на поиске синтеза начал равенства и свободы, из которых, как предполагается, и рождается правовое общение. В то же время группа петербургских правоведов (А. В. Поляков, И. Л. Честнов, Е. В. Тимошина, М. В. Антонов и др.) акцентирует равнозначность социального, психологического, идеального, нормативного элементов в праве, работая над балансировкой этих элементов при объяснении механизмов правовой коммуникации.

⁴⁸ См., напр.: Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.

⁴⁹ Ср.: Антонов М. В., Поляков А. В. Г. Д. Гурвич и русская постклассическая правовая мысль конца XIX — начала XX века // Правоведение. 2005. № 4. С. 131–137.

⁵⁰ Данная задача отнюдь не проста, на что указывают многочисленные критики интегративных построений Г. Д. Гурвича, Н. С. Тимашева и других представителей петербургской школы. Ср.: Hunt A. The Sociology of Law of Gurvitch and Timasheff: A Critique of Theories of Normative Integration // Research in Law and Sociology. 1979. N 2. P. 169–204; Подгурецкий А. Очерки социологии права. М., 1974. С. 50–51.

Если вернуться к началу XX в., ко времени формирования философско-правовых позиций Л. И. Петражицкого и его школы, можно заметить, что схожие задачи в контексте противостояния монистическим интерпретациям права были одновременно или несколько позднее сформулированы в немецкой правовой традиции⁵¹ (куда с известными поправками можно отнести немецкоязычные исследования, авторами которых были не только германские, но и австрийские, швейцарские правоведы). Здесь нельзя не упомянуть, во-первых, возросший интерес к изучению форм общения как в социологической (Ф. Теннис, Г. Зиммель, Л. фон Визе), так и в правовой литературе (О. фон Гирке, О. Эрлих, Г. Зинцгеймер) и, во-вторых, внимание к значению контекста социального общения в процессах правоприменения, что сыграло особую роль в формировании школы свободного права (Г. Канторович, Э. Фухс). Разумеется, эти тенденции намечались не только в немецкоязычных странах, схожие принципы были сформулированы правоведами в Америке (О. Холмс, Р. Паунд), в Швеции (В. Лундштедт, А. Хэгерстрем), во Франции (Л. Дюги, М. Ориу). Не оставалась в стороне от этого научного движения и Россия, где Петражицкий и его ученики разрабатывали методологические посылки для плюралистического, интегративного понимания права. Плюрализм понимался этими учеными как диалектическое сочетание разных сторон правовых явлений в качестве равнозначных и взаимодополняющих; такой подход противостоял как методологическому монизму, так и эклектике. Симптоматично, что некоторые типично социолого-правовые идеи были сформулированы учениками Петражицкого практически одновременно со становлением социологического подхода к праву — с изданием в 1913 г. базовой работы О. Эрлиха «Основоположение социологии права»⁵² и выходом программной статьи Р. Паунда в области социологии права.⁵³ Уже с 1916 г. Тимашев приступил к чтению лекций по социологии права в Политехническом институте Петрограда. Как утверждает мыслитель, он пришел к созданию социолого-правовой теории независимо от Эрлиха и Паунда, об исследованиях которых в Петрограде тогда ничего не было известно: «Книга австрийского проф. Эрлиха, вышедшая по-немецки в 1913 г., до России еще не дошла, а американская наука во главе с проф. Паундом... просто игнорировалась русскими учеными».⁵⁴ Одновременно в схожем социолого-правовом направлении развивал свои воззрения П. А. Сорокин.⁵⁵

⁵¹ О том, что такое совпадение далеко не случайно, можно судить по тому факту, что и Петражицкий, и его ученики (Гурвич, Тимашев, Лазерсон и др.) по сложившейся в русской академической среде традиции перед началом преподавательской деятельности проходили длительные стажировки в Германии (не говоря о прекрасном знании ими немецкого языка) и не могли не испытать влияния методологических воззрений, формировавшихся в немецкой научной традиции.

⁵² Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова. СПб., 2011. — Ср. критические замечания Гурвича и Тимашева на концепцию Эрлиха: Гурвич Г. Д. Теория источников права Ойгена Эрлиха и идея социального права / пер. с фр. М. В. Антонова // Там же. С. 652–666; Тимашев Н. С. Рецензия / пер. с англ. М. В. Антонова // Там же. С. 667–672.

⁵³ Pound R. Law in Books and Law in Action // American Law Review. 1910. N 44. P. 12–36.

⁵⁴ Тимашев Н. С. Как я стал социологом // Новый журнал. 1966. № 85. С. 245.

⁵⁵ Сорокин П. А. 1) Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали (1914). СПб., 1999; 2) Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве (1919). СПб., 2009.

Разумеется, высказанный выше тезис о том, что истоки современных коммуникативных концепций права можно отчасти найти в русском философско-правовом дискурсе начала XX в.,⁵⁶ не следует гиперболизировать — правовые концепции таких мыслителей, как Н. Луман, Ю. Хабермас, Г. Шельски, В. Кравиц и др., были созданы без прямой опоры на представления Петражицкого и его школы.⁵⁷ Различия видны и в терминологическом аппарате, экспликативных схемах, которые во многом отличаются от тех, что были предложены Петражицким и его школой. Хотя в некоторых случаях нельзя не заметить разительного сходства методологических установок. Такое сходство можно найти, например, между построениями Г. Д. Гурвича и идеями институциональной теории Г. Шельски, коммуникативной доктрины Н. Лумана и В. Кравица, на что в свое время обоснованно обратил внимание Г. Рихерс.⁵⁸

То же самое можно констатировать применительно к правовому реализму как в Северной Америке,⁵⁹ так и в Скандинавии.⁶⁰ В немецкой правовой традиции также прослеживается преемственность между реалистическими и коммуникативными представлениями о праве, синтезированными в «постпозитивистском правовом реализме», что продемонстрировали перед участниками семинара К. Федделер на примере концепции Р. Кёнига и А. Громицарис на примере теории Р. Иеринга. В этом отношении интерес германских коллег к концепциям мыслителей петербургской школы философии права (что выражается как в исследованиях, подобных монографии Г. Рихерса, так и в формировании научной кооперации в области теории правовой коммуникации) служит своего рода показателем идеальной преемственности строя рассуждений, общего для коммуникативных школ права как в России, так и в Германии (концептуально связанных с появлением и развитием в научных сообществах обеих стран социолого-правовых и реалистическо-правовых подходов в первой половине XX в.). Впрочем, это неудивительно с учетом того, что российское правоведение (также как и теория права в скандинавских странах) в XIX в. формировалось преимущественно на базе немецкой правовой доктрины и делило с ней многие методологические установки. Особенно заметным это созвучие методологических идей оставалось в российской науке о праве до 1917 г. и в трудах мыслителей русской эмиграции, хотя и в советском правоведении многие заимствованные в XIX в. из немецкой юриспруденции концептуальные схемы продолжали применяться практически без существенных изменений. Одной из основных задач сотрудничества между российскими и немецкими правоведами может стать обновление концептуального аппарата

⁵⁶ Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова, А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 7.

⁵⁷ См., напр.: Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах / пер. с нем. М. В. Антонова // Правоведение. 2011. № 5. С. 8–26.

⁵⁸ Riechers G. Die Normen- und Sozialtheorie des Rechts bei und nach Georges Gurwitsch. S. 87 ff.

⁵⁹ В этом смысле интересно удачное наблюдение Р. Паунда, который в 1959 г. утверждал, что «проведенные Петражицким исследования процесса мотивации находятся в очевидной связи с новейшими реалистическими теориями права. Но, как кажется, американские реалисты не читали Петражицкого» (*Pound R. Jurisprudence. St. Paul, 1959. P. 344*).

⁶⁰ Ср. попытку критического переосмысления идей школы Петражицкого с позиций правового реализма: Оливекрона К. Возможно ли социологическое объяснение права? / пер. с англ. А. А. Краевского // *Российский ежегодник теории права*. № 4. 2011. С. 387–417.

и философско-правовой базы современного российского правоведения с учетом новейших разработок немецких юристов и философов, включая и разработки в области исследования вопросов правовой коммуникации.

Заключение. В свете изложенного очевидно, что монистические, однофакторные теории не способны объяснить многообразный мир права — для такого осмысления следует обратиться к широким философским категориям, которые могли бы описывать и социальные (фактические), и нормативные, и идеальные аспекты правовой действительности. Такой категорией в современной теоретической юриспруденции вполне может стать понятие «коммуникация». Идея коммуникации в праве детально разработана в современной немецкой философии права (В. Кравиц, Н. Луман, Г. Шельски, Ю. Хабермас, Г. Тойбнер), но она не чужда и российскому правовому дискурсу. Об этом свидетельствует творчество Л. И. Петражицкого и других представителей петербургской школы философии права, которые в своих работах уже в первой половине XX в. сформулировали проблематику правовой коммуникации и попытались исследовать ее в терминах философии того времени. Опора на разработки представителей этой школы, использование их идей в качестве смыслового ориентира при (ре)конструировании коммуникативной философии права в России оказывается необходимой предпосылкой научного дискурса и в рамках «Петербургского диалога» между российскими и немецкими теоретиками права.